

118

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Издается
с 1946 года*

Человек как проблема
марксистской философии

Структурные
исследования
в гуманитарных науках

Всеобщность и необходимость
логических связей и практика

философия

1/1977

П 26
132

Вестник Московского университета

1

1977
ЯНВАРЬ-
ФЕВРАЛЬ

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Выходит один раз
в два месяца

Серия VII
ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

- Киктев Б. Ф., Цанн Ф. В. Человек как
проблема марксистской философии 3
- Грецкий М. Н. Структурные исследования в
гуманитарных науках 12
- Оруджев З. М., Мостовая Н. Ф. Практи-
ка и проблема всеобщности и необходимости
логических связей. Статья вторая 25
- Александрова Р. И. Критика биогенетиче-
ской теории нравственности 34
- Гольдентрихт С. С., Воробей Ю. Д.
Дискуссионные проблемы теории эстетических
ценностей 43
- Кузнецова М. Б. Проблема эстетического
своеобразия образа в телеискусстве 54
- Демченко В. М. Критика Г. В. Плехановым
геосоциологии С. М. Соловьева 63
- Руткевич А. М. Философия «Мадридской
школы» 73
- Добренков В. И. Евангелие «христианского
атеизма» как выражение кризиса протестантской
теологии. Статья вторая. Может ли «христиан-
ский атеизм» стать новой религией? 83

Критика и библиография

- Павлов А. Т. История русской философии в
исследованиях советских ученых 92

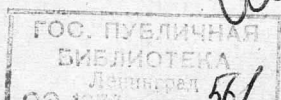
Научная жизнь

- Козлов Н. С. Научно-теоретическая конферен-
ция, посвященная 150-летию со дня рождения
М. Е. Салтыкова-Щедрина 95

Технический редактор
Л. Р. Черемискина

Корректоры
Л. А. Айдарбекова,
Л. С. Ключкова

© Издательство
Московского университета,
«Вестник
Московского университета»,
1977 г.

В. М. Демченко

КРИТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ
ГЕОСОЦИОЛОГИИ С. М. СОЛОВЬЕВА

Г. В. Плеханов, разрабатывая проблему взаимодействия природы и общества, дал объективную характеристику русской геосоциологии XIX в. Критический анализ он начал с исторической концепции выдающегося русского ученого, основателя русской географической школы в социологии, С. М. Соловьева, труды которого по многим вопросам представляли собой последнее слово буржуазной исторической науки и оказали значительное влияние на социологические взгляды В. О. Ключевского, Л. И. Мечникова и других представителей русской геосоциологии.

Для объяснения особенностей русской истории С. М. Соловьев обращался к природным условиям страны. Оценка этих взглядов историка содержится в основном в «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова. В предисловии к ней Плеханов отмечает, что русские историки не всегда уделяли должное внимание изучению свойств географической среды и ее влиянию на ход истории, а когда уделяли, «то не всегда смотрели на нее с правильной точки зрения»¹. «Примером не вполне удовлетворительной оценки влияния географической среды на историю русского народа, — пишет Плеханов, — послужили соображения покойного С. М. Соловьева»².

Плеханов в оценке роли природных условий в развитии общества исходил из положения исторического материализма о том, что географическая среда влияет на характер народа «лишь через посредство общественных отношений»³. Это влияние является косвенным, а не непосредственным. Лишь на такой основе можно дать научное определение роли природных условий, выяснить их влияние на ход общественного развития, так как «чтобы понять значение географической среды, необходимо выяснить тот путь, по которому направляется ее действие на человеческие общества»⁴. Исходя из этих положений, Плеханов и оценивает взгляды С. М. Соловьева. Он считает, что соображения историка о влиянии природы на характер русского народа «очень поверхностны и на самом деле ровно ничего не объясняют»⁵.

Однако в философской литературе мы встречаемся с утверждением о том, что Плеханов при анализе геосоциологии С. М. Соловьева «в своем большом последнем труде «История русской общественной мысли» переоценивал роль географической среды в истории России, известным образом следуя иногда концепции историка Соловьева»⁶.

Так ли это в действительности?

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20. М.—Л., 1925, с. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 28.

⁵ Там же, с. 29.

⁶ Б. А. Чагин, И. Н. Курбатова. Плеханов. М., 1973, с. 159—160.

Приступая к объяснению особенностей отечественной истории, С. М. Соловьев, находясь под влиянием географической школы в социологии, в своей работе «История России с древнейших времен» пишет: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколь-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними»⁷. В этих рассуждениях видного русского историка Плеханов видит ошибки методологического и фактического порядка. Соловьев, по Плеханову, повторяет ошибку большинства исследователей, писавших о значении географической среды в ходе народного развития. «Главная ошибка некоторых исследователей, — пишет Плеханов, — сводилась... к тому, что следов влияния этой (географической. — В. Д.) среды на человека они искали больше в психологии и даже физиологии различных племен, чем в их социальном быте»⁸. По их мнению, «географическая среда влияет на социальные отношения через психологию. По нашему, — пишет Плеханов, — наоборот: она влияет на психологию через социологию»⁹. Соловьев тоже прежде всего старается определить, какие психические предрасположения должны были вызываться этой средой. Лишь после этого он указывает на те занятия и вообще на тот образ жизни, которые обусловились, по его мнению, этим предрасположением. Иначе говоря, бытие объясняется сознанием, несмотря на то, что за точку исхода всего рассуждения берутся известные материальные условия существования, — в данном случае свойства поверхности восточной половины Европы¹⁰. Вместе с тем Плеханов находит у Соловьева и элементы исторического материализма, которые обнаруживаются тогда, когда историк от высказывания о психических предрасположениях русского племени, будто бы непосредственно вызываемых географической средой, переходит к мысли о том, как должно повлиять однообразие природных форм на занятия и образ жизни этого племени. Здесь от попытки объяснить бытие сознанием он переходит к объяснению сознания бытием. «И тут мы узнаем от него, что однообразие природных форм ведет к однообразию занятий, а однообразие занятий производит однообразие обычаев, нравов, потребностей и верований, причем однообразие потребностей указывает одинакие средства к их удовлетворению и т. д. Это — ценные мысли, до сих пор слишком мало принимаемые в соображение теми писателями, которые задумывались о причинах относительной самостоятельности русского исторического процесса»¹¹.

Плеханов обоснованно видит рациональное зерно в географической социологии Соловьева в том, что историк пытается установить объективную связь между естественными условиями и характером экономических занятий восточных славян, и через их взаимодействие

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. В 15-ти кн., кн. I. М., 1959—1966, с. 60—61.

⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. 7. М.—Л., 1925, с. 18.

⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, т. 3. М., 1936, с. 109.

¹⁰ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 34.

¹¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 35.

объяснить духовную жизнь людей. Ведь из логики рассуждений Соловьева следует, что однообразие естественных условий, характеризующее Восточную европейскую равнину (удаленную от моря и гор), было неблагоприятно прежде всего для успехов ее населения в области экономического развития¹². Историк прав. Действительно, внешняя природа либо затрудняет, либо облегчает развитие материального производства. К. Маркс отмечал, что «различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при прочих равных условиях необходимое рабочее время оказывается различным»¹³. «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда»¹⁴. Г. В. Плеханов, ссылаясь на это положение К. Маркса, подтверждает материалистический элемент во взглядах Соловьева, справедливость его умозаключений относительно характера влияния однообразных естественных средств на экономическую и духовную жизнь восточных славян. И так как, по мнению Плеханова, экономическое развитие (в данных или других условиях) в конечном счете определяет собой развитие общественно-политическое и духовное, то исторический материализм как наука не исключает из экономического фактора и совокупную роль внешней природы. «Поэтому с указанием С. М. Соловьева на «природные условия», — пишет Плеханов, — вызвавшие однообразие занятий, непременно должен считаться всякий, кто желает выяснять себе ход русского общественного развития»¹⁵.

В «Истории России» Соловьева имеются многочисленные рассуждения, доказывающие неудовлетворенность историка идеалистическим методом, которым он пользуется. Так, из идей о непосредственном влиянии естественных условий на трудовую деятельность человека необходимо выделить следующие соображения историка о взаимной связи природы и человека: «Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную... Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии; его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели...»¹⁶.

Это высказывание Соловьева приближается к приведенному положению Маркса, а также принципиальному его замечанию о преимуществах умеренного пояса перед тропическим климатом «в делах умножения собственных потребностей человека», активизации его способов труда, ибо «слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью»¹⁷.

Понятно, что Маркс решает проблему взаимосвязи географической среды и общественной жизни человека с позиций последовательного исторического материализма, в масштабах всего человечества, во всеобщем охвате природных и исторических процессов, а Соловьев не более чем стихийно обнаруживает объективную связь природы с

¹² Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 36.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 523.

¹⁴ Там же, с. 522.

¹⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 36.

¹⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, с. 78.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 522.

отечественной историей славянских народов. Тем не менее здесь имеется отдельное совпадение точек зрения. И оно перспективно закрепляется тогда, когда от идеи о непосредственном влиянии географической среды на «характер народный» историк переходит к объяснению опосредованного формирования его трудовыми, т. е. производственными процессами, исторически сложившимися в конкретных условиях внешней природы. Такая тенденция перехода рассуждений Соловьева от принципа географического детерминизма к историческому вполне отчетливо проявилась, например, в характеристике им объективного воздействия условий природы Московского центрального пространства, этой обширной открытой равнины с умеренным климатом, на деятельность здешних племен—земледельцев. «Эта равнина,— пишет Соловьев,— не везде равно плодородна и в самых плодородных местах уступает южным пространствам империи, но зато она почти везде способна к обработке, следовательно, везде поддерживает деятельность, энергию человека, побуждает к труду и вознаграждает за него...»¹⁸.

Именно сельскохозяйственная производственная деятельность людей преобразила здешние места, превратив их в зону земледельческой пашенной культуры с оседлым населением. Данный исторический факт позволил Соловьеву поставить славянские племена древней Руси в уровень с европейскими земледельческими народами и определить их превосходство по способу экономической жизни перед норманнами («шайкой искателей приключений») и кочевниками. Относительно роли норманнов и кочевников в судьбах России Соловьев приходит к следующим весьма позитивным выводам, демонстрируя высокий реалистический взгляд на внутренние и внешние причины сложных исторических процессов: не может быть и речи о «господстве» норманнов, о норманнском периоде в истории Древней Руси. Норманны служили русским князьям как наемники, сами становились князьями, но растворились в более могучем славянском земледельческом племени, ибо сами не могли организовать какой-нибудь прочный порядок вещей среди племен, живших по великому водному пути. Это могли сделать только северные князья, имевшие для того достаточную материальную силу и привязанные к стране правительственными отношениями к племенам, их призвавшим»¹⁹. В итоге на долю норманнов остается та скромная роль в жизни Руси, которую определил Соловьев: «норманны пришли служить истории славянских племен, а не составлять ее исключительно»²⁰.

Соловьев рассматривал историю России как историю страны, которая колонизируется. По его мнению, на западе «камень», горы разделили территорию и с самого начала обеспечили устойчивость государственных образований с прочными замками и городскими укреплениями. У нас — дерево, лес, непрочные деревянные строения и городские частоколы, которые не привязывали к месту, не создавали прочной оседлости. Из этого не следует, что Соловьев видел причину колонизации в геодетерминизме, так как процесс освоения неосвоенных восточных земель происходил под действием движущих сил экономических отношений и разности уровней этих отношений. Соловьев пишет, что здесь «один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в каком обыкновенно применяется в истории завоеваний»²¹. В русской истории мы замечаем то главное явление, когда русский народ занимал «обширные пустынные

¹⁸ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, с. 76.

¹⁹ Там же, с. 56, 138.

²⁰ Там же, с. 334—335.

²¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, с. 62.

пространства» на востоке²² (т. е. неосвоенные с учетом земледельческой хозяйственной цивилизации) и населял их, осуществляя эту историческую производительную деятельность.

Петровские преобразования вызваны не только и не столько географическими условиями в развитии России, сколько внутренней необходимостью покончить с отсталостью перед западноевропейскими народами. В объективном обосновании преобразований Петра I Соловьев, учитывая связь русской и мировой истории с природой; выдвигает на передний план географический фактор. Он пишет: «тут же должна была в голове Петра родиться мысль: не удалось на Черном море, надобно утвердиться на Балтийском, что гораздо выгоднее: ближе к настоящей России, и к настоящей Европе»²³. Историк резко выделяет преимущества географических условий существования государств Западной Европы перед условиями Восточной Европы. При этом он делает упор на предмет различного влияния природы на общественное развитие, что очень важно. Он пишет: «При первом взгляде на карту Европы нас поражает различие между двумя ее неравными половинами — западную и восточную... Первая мысль при этом, что две, столько разнящиеся между собою, половины Европы должны иметь очень различную историю. Мы знаем, как выгодны для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия. ...удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благоприятствие воздуха без африканского зноя и азиатского мороза; эти выгоды отличают Европу перед другими частями света; на эти выгоды указывают как на причину блестящего развития европейских народов, их господства над народами других частей света. Но, указывая на эти выгоды, должно разуметь только Западную Европу, ибо Восточная их не имеет; природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха»²⁴.

Однако проблема изменения географических условий, необходимых для России (выход к морю), не могла быть решена без изменений внутренних условий развития русского общества. И здесь на первый план выдвигаются законы обратного действия истории на внешний мир — законы, движущие внутреннее развитие общества. Соловьев пишет: «...пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений»²⁵. Из общих законов, определяющих потребности объективного изменения всеобщих условий развития России, выделяется закон необходимой смены старого новым: новое «начинает господствовать на счет старого», и между ними возникают «враждебные» отношения. Новое необходимо сменяет старое. Это — всеобщий закон, которому следовала Европа (революция во Франции). Ему же подчинена историческая судьба России: «Если таков общий закон, если наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории, — пишет С. М. Соловьев, — то из этого вполне уясняется значение главного деятеля в перевороте, Петра Великого: он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру»²⁶.

С. М. Соловьев выступил против совмещения географической социологии с расизмом, свойственного особенно немецкой националистической школе историков и философов и норманнской теории. Отме-

²² С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, с. 62—63.

²³ Там же, кн. VII, с. 604.

²⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. VII, с. 7—8.

²⁵ Там же, с. 438.

²⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. VII, с. 440.

тив выдающуюся роль русского народа в развитии мировой цивилизации, в том числе в освоении восточных пространств при исторически неблагоприятных условиях, Соловьев решительно отверг «неприятное восхваление своей национальности, какое позволяют себе немецкие писатели», но которое «не может увлечь русских последовать их примеру»²⁷. Отрицание шовинизма и расизма историком Соловьевым проявилось, в частности, в том, что проанализировав опустошительные походы восточных племен против Руси, он объективно оценил это историческое зло и не мстит этим племенам высокомерным принижением их значения, а с удовлетворением отмечает переход их к оседлому образу жизни под воздействием русского народа, понимая этот процесс как закономерное движение вперед. «...Если мы сравним русский народ XI и XII века с соседями восточными, — пишет Соловьев, — то как высоко станет он! Подле степь с ее кочевыми обитателями; и здесь мы опять можем наблюдать переход народов от кочевого быта к оседлому; между дикими степными кочевниками и оседлою Русью образуются народцы полукочевые и полуоседлые..., но признающие верховную власть русских князей, причем, однако, нередко изменяют в пользу своих диких собратьев»²⁸.

Так первый выдающийся прогрессивный геосоциолог и историк России избежал в общем узких троп реакционной геополитики, шовинистических и расистских настроений и попытался научно объяснить объективную взаимосвязь России с мировой историей и природой как взаимодействие определенной общественной организации русского общества с конкретными условиями географической среды и обусловленным во времени историческим движением других народов и государств. Это немаловажное достоинство системы историко-социологических взглядов Соловьева остается ярким свидетельством рациональных поисков материалистического, объективного объяснения сложных исторических процессов и отрицания «божественных» и расистских толкований. Однако, анализируя историко-социологические взгляды Соловьева, Плеханов оставил без внимания вопрос об отношении историка к геополитике, шовинизму и расизму.

Выделяя материалистические элементы в социологии Соловьева как результат стихийного движения в научном поиске историка в объяснении явлений общественной жизни, Плеханов пишет: «Мы имеем право заключать отсюда, что в своем исследовании... он был близок к тому пониманию истории, согласно которому не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. По всей вероятности, он сам не давал себе ясного отчета в том, в какой мере приближился он к этому пониманию. Да и нет у нас основания думать, что он был знаком с теорией исторического материализма. Но все-таки несправедливо обвинять его в идеализме там, где он хотя и бессознательно, покидал идеализм и приближался к материалистической точке зрения»²⁹.

Последовательный принцип исторического материализма требует, однако, подчеркнуть, что имеющиеся материалистические элементы в социологии Соловьева не доведены им до завершения исторического материализма: ему мешает господствующий метод исторического идеализма. Исходя из выдвинутого им тезиса о том, что «Московское государство было государство лесное по преимуществу»³⁰, он пытался объяснить своеобразие хода русской истории непосредственно географическими моментами, в частности преобладанием в России «дерева», «равнин». При этом историк противопоставляет русское «дерево» запад-

²⁷ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. VII, с. 9.

²⁸ Там же, с. 19.

²⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 248—249.

³⁰ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. VII, с. 47.

ноевропейскому «камню» (в смысле строительного материала и особенностей поверхности). По мнению Соловьева, в качестве строительного материала «камень» дал высшим классам Запада материальную возможность значительно обособиться от низших и тем самым обострил классовую борьбу. А в качестве гор «камень» оказал непосредственное влияние на характер западных народов, сообщив и стремление к усидчивости и определенности. Недостаток этого стремления у русского народа, по мнению Соловьева, объясняется отсутствием «камня». Где нет усидчивости и определенности, там взаимные отношения классов остаются неопределенными и неустойчивыми, вследствие чего их взаимная борьба не может достигнуть значительной степени напряженности. Эта точка зрения Соловьева, по мнению Плеханова, «не выдерживает критики»³¹.

Обнаруживая неудовлетворительность принципа географического детерминизма в рассуждениях историка, Плеханов пишет: «В качестве строительного материала камень отнюдь не всегда играл на Западе ту исключительную роль, которую приписывал ему С. М. Соловьев. Западная Европа тоже была некогда «деревянной» не далее, как в X в. Ясно, стало быть, что не «камень» обеспечил французским «мужам» их торжество над «мужиками». Эти «мужики» начали строить себе «каменные гнезда» лишь после того, как им удалось наложить на мужиков свое иго»³². «Поэтому, — продолжает Плеханов, — «дерево» или «камень» ни при чем в исторических особенностях этого рода»³³.

Соловьев в своих рассуждениях о «дереве», «камне» не учел главного — уровень развития производительных сил общества как фактора, определяющего использование разнообразного сырья в качестве строительного материала. Плеханов, обращая внимание на методологический просчет историка, пишет: «...Соловьев позабыл, что «громкие вековечные здания» воздвигаются не только из камня. В Бельгии и Голландии их строили из кирпича. Но само собою понятно, что их начали строить только тогда, когда общественное развитие вызвало потребность в них и дало экономическую возможность ее удовлетворения. Говоря вообще, западноевропейские города превращались из деревянных в каменные (или кирпичные) лишь по мере того, как росли находившиеся в распоряжении их жителей производительные силы и увеличивалось их экономическое благосостояние. Поэтому вполне позволительно думать, что если бы русские города богатели также быстро, как западноевропейские, то и в них *дерево* постепенно уступило бы место *каменю*»³⁴.

Далее, Плеханов отмечает, что «С. М. Соловьев не так сильно ошибся в своем взгляде на «камень», понимаемом в смысле гор. Однако и тут он все-таки неправ»³⁵. Историк исходил из того, что горы препятствуют сближению племен, их сношению, образованию народностей. «То правда, — пишет Плеханов, — что горы разграничивают одно от другого первобытные племена и тем препятствуют слиянию их в одну народность. Но это положение должно быть принимаемо с весьма существенными оговорками»³⁶. Указывая на ошибки методологического порядка, выраженные в географическом детерминизме историка, Плеханов пишет: «Камень все-таки не мешал различным народностям Запада вступать в весьма оживленные взаимные отношения»³⁷. По мнению Плеханова, нам неизвестны такие цивилизованные общества,

³¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 31.

³² Там же.

³³ Там же, с. 32.

³⁴ Там же, с. 32—33.

³⁵ Там же, с. 33.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 36.

которые не приходили бы в соприкосновение со своими соседями. Для каждого такого общества существует известная историческая среда, неизбежно влияющая на его развитие. И для каждого общества среда эта различна. И этим в значительной степени объясняется то, что нет и не может быть двух обществ, процесс развития которых был бы совершенно одинаков³⁸. «Взаимодействия народов, — пишет Плеханов, — обуславливаются материальными нуждами этих народов. Материальные нужды побуждают их к взаимному обмену своей хозяйственной деятельностью. Этнология показывает, что такой обмен возникает уже на очень низких стадиях хозяйственного развития»³⁹. «С. М. Соловьев здесь предполагал непосредственное влияние географической среды, — пишет Плеханов, — тогда как здесь надо говорить преимущественно об ее посредственном влиянии»⁴⁰.

Кроме того, Соловьев пытался объяснить развитие искусства, общественные увеселения, семейные отношения и т. д. непосредственным влиянием на них природных условий. Он писал: «Роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что могущественно действует на отношение двух полов»⁴¹. Плеханов, не соглашаясь с Соловьевым, пишет: «Но стремление к поэзии у скандинавских народов или у англичан не менее сильно, чем у итальянцев или у испанцев, а стремление к искусству у эскимосов ничуть не слабее, нежели у краснокожих Бразилии. Взаимные отношения полов определяются ходом развития семейных отношений, который зависит от экономики страны, а не от ее географии. Мы знаем, правда, что экономика сама находится в причинной зависимости от географической среды, так как эта последняя влияет на быстроту роста производительных сил. Но тут мы имеем перед собой случай *посредственного* влияния «природы», между тем как С. М. Соловьев говорит об ее *непосредственном* влиянии. Наконец, что касается общественных увеселений, то *всякий* народ любит их, пока ему живется сколь-нибудь сносно и пока он не утрачивает привычки к ним вследствие развития крайнего индивидуализма, которое вызывается не природой, а опять-таки общественными отношениями»⁴². Так что выводы Соловьева о зависимости народного характера от природы страны, по мнению Плеханова, «не могли быть основательными»⁴³.

Исходя из географического детерминизма Соловьев пытался определить причину борьбы казачества с Московским государством природными особенностями России. В «Истории России» он пишет: «Природа страны условила еще другую борьбу для государства, кроме борьбы с кочевниками: когда государство граничит не с другим государством и не с морем, но соприкасается со степью, широкою и вместе привольною для житья, то для людей, которые по разным причинам не хотят оставаться в обществе или принуждены оставить его, открывается путь к выходу из государства и приятная будущность — свободная, разгульная жизнь в степи. Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек издавна населялись казацкими толпами, которые, с одной стороны, служили пограничною стражею для государства против кочевых хищников, а с другой, — признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее самих кочевых орд. Так Россия вследствие своего географического положения должна

³⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 256.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 36.

⁴¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, с. 78.

⁴² Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 29.

⁴³ Там же.

была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами и с казаками...»⁴⁴.

Соловьев прав в том, что южные степи Московского государства были «привольными для житья» бежавших сюда казаков. Плеханов пишет: «Спора нет: только благодаря указанным здесь особенностям географической среды и возможно было возникновение казачества»⁴⁵. По словам Соловьева, казачество состояло из таких людей, которые по разным причинам не хотели оставаться в обществе или должны были уйти из него. «Но между разными этими причинами легко заметить одну, самую важную», которую не заметил историк: «тяжелое, а иногда и прямо невыносимое положение низшего класса, из которого, главным образом, и вербовалось казачество»⁴⁶. Возраставшее запустение государственного центра вынудило Московское правительство прикрепить крестьян и посадских людей к месту их жительства. Человек, которому становилась невыносимой его жизнь на крепостной цепи, имел только один выход: побег. А так как Московское правительство ловило беглых и, учинив им надлежащее наказание, снова сажало на цепь, то им нужно было скрываться за границу Московского государства. Вот тут-то и выручали их «южные степные страны России по течению больших рек». «Чем больше возрастал гнет, лежавший на низшем классе Московского государства, — пишет Плеханов, — тем больше являлось побуждение для побега, и тем многочисленнее становилось население по берегам казачьих рек, т. е. Дона и Яика, Волги и Терека»⁴⁷. Были случаи, когда предприимчивые, по необходимости подвижные, воинственные казаки временами переходили в наступление, и тогда они действительно становились для Москвы «опаснее, чем кочевые орды», которые нередко выступали и союзниками в борьбе с нею. По мнению Плеханова, они много причинили ей хлопот в Смутное время, хорошо «тряхнули ею» в царствование Алексея Михайловича (Ст. Разин), а потом не на шутку перепугали и Петербург в царствование Екатерины II (Е. Пугачев)⁴⁸. Соловьев, как утверждает Плеханов, не видит, что борьба казачества с Московским государством — это следствие классовых противоречий, и что уже «до-монгольская Русь знала классы, но не знала сословий», а в XIII—XV вв. можно заметить постепенное появление различий в юридических правах и обязанностях различных классов. Эти различия приводят, — сначала в Литовской, а потом и в Московской Руси; — к образованию более или менее разграниченных одно от другого сословий»⁴⁹. Исходя из наличия классов и классовой борьбы в Московском государстве, Плеханов подчеркивает важное марксистское положение о том, что «ход развития всякого общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями... Стало быть, ходом развития и взаимными отношениями классов, составляющих русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое относительное своеобразие русского исторического процесса»⁵⁰. При этом «Соловьев недостаточно оценил относительное своеобразие московского общественно-политического быта»⁵¹. Общественно-политический быт русского государства, — пишет Плеханов, — представлял собою как бы двухъярусное здание, в котором закрепощение обитателей нижнего яруса оправдывалось закрепощением обитателей верхнего»⁵².

⁴⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, с. 61—62.

⁴⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, с. 100.

⁴⁶ Там же, с. 101.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 22.

⁵⁰ Там же, с. 13.

⁵¹ Там же, с. 99.

⁵² Там же, с. 108.

По своим воззрениям С. М. Соловьев примыкал к «государственной школе», представители которой (во главе с Б. Н. Чичериным) выдвигали на первый план деятельность и инициативу государства как основного двигателя и демиурга истории. При освещении основных проблем русской истории Соловьев исходил из идеалистического представления о государстве как решающей силе исторического процесса. Однако С. М. Соловьев в большей мере, чем историки «государственной школы», развивал мысль о закономерном характере исторического процесса России и Западной Европы. Но в периодизации истории России Соловьев в конечном счете не учел решающего критерия — изменения способа производства, допустил географический уклон, умалил историческую деятельность народа, проявил стремление сгладить остроту классовых противоречий в интересах правящих кругов. И как результат — страх перед революционным взрывом, назревавшим в России, — этот обычный признак буржуазной либеральной ограниченности, который вполне согласуется с классовыми позициями историка, с идеализмом его социальной философии. Но Плеханов ценил в Соловьеве то, что в его концепции сближало с материалистическим подходом к истории: его попытки рассмотреть географическую среду как материальную основу развития производительных сил, понять внутренние закономерности общественной жизни.

Поступила в редакцию
5 апреля 1976 г.
Кафедра
философии гуманитарных факультетов